

и «Цветник» в 1810 г., уже после смерти издателя, но продолжая его традиции, превратился в трибуну карамзинистов.⁵⁵

Беницкий прекрасно понял принципы радищевского творчества и на материале первой части «Собрания оставшихся сочинений...» подверг резкой и последовательной критике его литературную позицию. По всей видимости, Беницкому было известно и «Путешествие из Петербурга в Москву», так как он одно за другим отрицает сформулированные в главе «Тверь» положения. По Беницкому, недостатком Радищева является то, что «все почти у него стихи без рифм <...> без меры и так сказать без слогаударения». Трудность произнесения для критика также отнюдь не достоинство: «Когда начнете их (стихи, — М. А.) читать, то принуждены будете беспрестанно почти запинаться или выговаривать навыворот целые речения». Отмечая, что в стихах Радищева «попадают иногда изрядные мысли и довольно удачные выражения», рецензент формулирует важный общий недостаток радищевской поэзии: «...вообще нет плавности в его стихах». И, наконец, основной упрек Радищеву с позиций карамзинизма заключается в отсутствии единого стиля, в употреблении архаизмов и просторечья: «...в его стихах главнейшая погрешность есть та, что вместе с высокими славенскими словами перемешаны слова простонародные, низкие, которые никогда и в хорошем разговоре не употребляются. Не смешно ли бы было, если бы мы увидели на театре актера <не> в древнем жреческом одеянии, а в мужичьей шапке, в рукавицах и в лаптях? Так же точно смешно видеть после слов: *зане, очи, вежды — потяготу* и *черну немочу*. И то и другое есть в богатырской повести: Бова Королевич».⁵⁶

Таким образом, творчество Радищева в литературном отношении оказалось неприемлемым для карамзинистов. В сферу интересов Вяземского имя Радищева попадает лишь позднее, в 1819—1820 гг., когда усиливаются радикальные воззрения Вяземского. При этом Вяземский не заинтересовался литературными взглядами Радищева: его привлекла в первую очередь трагическая судьба писателя-революционера. «У нас обыкновенно человек невидим за писателем, — размышлял Вяземский в письме к Воейкову от 2/14 ноября 1818. — В Радищеве напротив: писатель приходится по плечу, а человек его головою выше».⁵⁷

Литературные взгляды Радищева, таким образом, в начале 1810-х гг. оказались ближе противникам карамзинистов. Некоторые из этих взглядов и прямо, и опосредованно были восприняты «Беседой любителей русского слова». Не случайно и один из самых последовательных продолжателей литературной традиции

⁵⁵ См.: Поэты-радищевцы, с. 654—655.

⁵⁶ Цветник, 1809, ч. 1, № 2, февраль, с. 271—283.

⁵⁷ См.: Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов. — Учен. зап. Таргуск. гос. ун-та, 1960, вып. 98, с. 65—66.